

**А.П. Кальченко, Ю.В. Цвелев,
В.Г. Абашин**

Кафедра акушерства и гинекологии
им. А.Я. Красовского
Военно-медицинской академии,
Санкт-Петербург

К ИСТОРИИ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЖЕНЩИН В РОССИИ

История женского медицинского образования и применения женского труда на государственной службе в России является по существу историей борьбы женщин за равноправие, возможность получить образование и доступ к квалифицированному труду. Образование рассматривалось как залог участия в ожидаемом реформировании общества, как форма раскрепощения и завоевания гражданских прав.

Попытки женщин поступить в университеты России отмечались в начале 60-х годов XIX века. Первая просьба к Главному военно-медицинскому инспектору Н.И. Козлову о допуске женщин к слушанию лекций на медицинском факультете одного из университетов для приобретения затем лекарского звания зарегистрирована в начале 1861 г. В просьбе Совет университета отказал «по неимению положительного на то закона», но представил ее на усмотрение высшего начальства. Последнее затруднилось «непосредственным решением по той же причине». Так как двери университетов и Медико-Хирургической Академии для женщин были закрыты, они проникали туда нелегально («косвенно»). По свидетельству современников, «они бесцельно бросались то в химические лаборатории, то в анатомический театр..., они тратили силы на бесплодную игру в науку, отождествляя эту запретную науку с социальными вопросами..., считая самих себя провозвестницами каких-то новых начал на том лишь основании, что работают у известного профессора анатомии или проделывают химические анализы у известного профессора химии...» [2].

В конце того же десятилетия движение женщин за научное образование принимает массовый и организованный характер. В Харькове перед зданием университета Министру Народного Просвещения был подан «коллективный адрес», подписанный 165 женщинами. В нем содержалось два требования:

- о преобразовании средних учебных заведений для женщин в «реальные с программой, приспособленной к университетскому курсу»;
- о допущении женщин в существующие университеты.

Правительство было озабочено и, явно упрощая проблему, объясняло причины активизации движения женщин либо в «искусственной агитации, возбужденной под влиянием моды и занесенных с запада социалистических идей», либо «в размножении женских средних учебных заведений». Министерство Народного Просвещения считало, что условий для высшего женского образования в России еще нет и «следует прежде позаботиться о правильном устройстве элементарного образования для женщин».

Университетский устав 1863 г. вообще запретил женщинам обучение в высших учебных заведениях. За год до этого запрета только одна женщина — В.А. Кашеварова смогла в виде исключения поступить в Медико-Хирургическую Академию. В 1876 г. В.А. Кашеварова стала первой женщиной, защитившей в России диссертацию на степень доктора медицины. Другие, стремившиеся к образованию, при возможности уезжали за границу. Первой из них в Петербург вернулась в 1867 г. с дипломом доктора медицины выпускница Цюрихского университета Н.П. Сулова (впоследствии супруга известного гигиениста Ф.Ф. Эрисмана). Чтобы получить право врачебной практики в России, она повторно сдавала экзамены. Вторым доктором медицины среди женщин России была М.А. Обручева-Бокова (1867) ученица И.М. Сеченова, ставшая затем его женой, а для Н.Г. Чернышевского — прообразом героини романа «Что делать?».

Отъезд женщин для обучения за рубежом стал массовым. В те годы наблюдалось настоящее поветрие фиктивных браков, сотнями заключающихся для освобождения от родительской опеки и получения возможности учиться. Примером может служить дочь генерала Софья Васильевна Коржик-Круковская, которая смогла выехать в Париж для изучения высшей математики только после брака с В.О. Ковалевским и ставшая впоследствии профессором Стокгольмского университета [1]. Однако вскоре правительство, опасаясь, что женщины будут носителями «революционной заразы», потребовало возвращения их обратно. 21 мая 1873 г. в «Правительственном Вестнике» было опубликовано Правительственное сообщение: «... Правительство заблаговременно предупреждает всех русских женщин, посещающих Цюрихские Университет и Политехникум, что те из них, которые после 1 января будущего 1874 г. будут продолжать слушание лекций в этих заведениях, по возвращении в Россию не будут допускаемы ни к каким занятиям, разрешение или дозволение которых зависит от Правительства, а также к каким бы то ни было экзаменам или в какое-либо русское учебное заведение» [2].

В обсуждении важнейшего для страны вопроса не оставалось в стороне и общество. По поводу работавшей Особой Комиссии и множества подобных ей в «Московских Вестниках», например, 1 сентября 1873 г. М.Н. Катков писал: «Вопрос о женском образовании заслуживает серьезного внимания. Нельзя видеть в нем только каприз времени; надобно признать в его основе существенную потребность, которая дожидалась своей очереди и дает себя чувствовать

в наше время сильнее, чем когда-нибудь. Плохое дело расправляться с возникающими вопросами необращением на них внимания; неразумно давать растущей потребности мнимое или шуточное удовлетворение. Нельзя также подавлять созревший вопрос..., напротив, тут-то и следует заняться им... Надобно дать ему правильное движение, чтобы он не заблудился... Надобно направить живую потребность ко благу, иначе она станет неиссякаемым источником зла».

При несостоятельности Министерства Народного Просвещения в решении проблемы все более втягивались другие правительственные сферы: Военное ведомство, Министерство Внутренних Дел и другие. Дошло дело и до жандармерии. Одно из знаковых событий этого процесса приводится в «Историческом обзоре Правительственных распоряжений по вопросу о высшем врачебном образовании женщин» (СПб, 1883): 15 декабря 1870 г. шефом жандармов была внесена в Совет Министров записка «по вопросу о дозволении женщинам поступать на службу в общественные и правительственные учреждения». В частности, в «записке» обращалось внимание на то, что «... в должностях, где женский труд незаменим, а именно в должностях повивальных бабок и воспитательниц детей, чувствуется значительный недостаток, поэтому Правительству гораздо полезнее употребить свое старание на возможно большее привлечение женщин к занятиям, вполне соответствующим как их полу, так и их назначению». В виду всего вышеизложенного предлагалось: «поощрять развитие курсов акушерских наук, деятельность женщин на поприще воспитательном, ... но отнюдь не определять их в должности, которые до сего времени исключительно занимались лицами мужского пола» [2].

Советом Министров в присутствии Императора 14 января 1871 г. было признано необходимым «положительно определить круг полезной для государства и общества деятельности лиц женского пола». В тот же день последовало Высочайшее утвержденное Постановление, которое предписывало: «Всеми мерами содействовать распространению и преуспеванию правильно устроенных, отдельных для женщин курсов акушерских наук и к привлечению на оные как можно более слушательниц для того, чтобы дать возможность наибольшему числу женщин приискать себе акушерские занятия во всех частях государства, столь скудно еще наделенных представительницами этой необходимой отрасли». В пп. 2-4 разрешалась деятельность женщин в качестве сестер милосердия, фельдшеров и «по оспопрививанию», воспитательниц, учительниц «в начальных классах и низших классах женских гимназий».

Несколько неожиданно движение женщин за образование нашло благосклонное отношение со стороны Военного Министра генерал-адъютанта графа Д.А. Милютина и Главного военно-медицинского инспектора Н.И. Козлова. Позиция Военного Министра, по-видимому, определилась после доклада, представленного 28 января 1870 г. в Медицинский Совет членами Совета проф. Н.Ф. Здекауэром и проф. А.Я. Крассовским «Об усилении медицинского образования повивальных бабок». Основные положения его следующие:

- за 100-летний период существования института повивальных бабок общественная потребность в них быстро увеличивалась, но образование их не совершенствовалось в степени, соответствующей тем требованиям, которые предъявлялись обществом и законодательством;

- из-за недостатков преподавания повивальные бабки недостаточно знакомы с патологией беременности, осложнениями и заболеваниями послеродового периода, не владеют приемами оперативного родоразрешения;

- узкая специализация и недостаточная общемедицинская подготовка не позволяли повивальным бабкам выступать экспертами в судебных случаях, к которым они привлекались;

- между реальной практикой и инструкцией существует противоречие — при осложнениях в родах, при риске для жизни матери и ребенка бабка обязана вызывать врача, которого, как правило, в пределах досягаемости не оказывается, а если он приезжает на роды, то в связи с недостаточной подготовкой по патологическому акушерству не способен, так же как и повивальная бабка, оказать помощь.

В докладе предлагалось установить две акушерские степени: «степень повивальной бабки в том виде, как она достигается в родовспомогательных институтах» и «степень ученой акушерки с общим врачебным образованием». К докладу прилагался учебный план для устройства отдельных от студентов курсов ученых акушеров при Императорской Медико-Хирургической Академии (ИМХА). Условием для поступления на курсы являлось свидетельство об окончании полной гимназической программы.

Медицинский Совет 7 апреля 1870 г. признал доклад Н.Ф. Здекауэра, Н.И. Козлова и А.Я. Крассовского «бесспорно полезным», установил продолжительность «врачебно-акушерского образования женщин» в 4 года и составил проект учебной программы с распределением «учебных наук» по курсам. 27 октября 1870 г. доклад рассматривал Военный Министр и согласился с ним: «не встретил препятствия допустить желающих достигнуть степени ученой акушерки в Медико-

Хирургической Академии, если эта степень будет установлена в законодательном порядке» [2].

«Особый женский врачебный курс для образования ученых акушеров в виде опыта на 4 года» был открыт по Высочайшему повелению в 6 мая 1872 г. при Императорской Медико-Хирургической Академии. Курсы не финансировались государством и начали функционировать на проценты с капитала (50 тысяч рублей пожертвовала дочь полковника г-жа Лидия Родственная) и на взносы слушательниц за право слушания лекций. Периодически выделялись небольшие субсидии от Военного Министерства, поступали также пожертвования от земств, обществ и частных лиц.

На курсы принимались «лица женского пола, не моложе 20 лет, окончившие образование на педагогических курсах, в институтах и женских гимназиях, ... имеющие диплом на звание домашней учительницы, по предметам гимназического курса». Кроме общих документов о рождении, происхождении, образовании требовалось представить «... дозволение родителей (опекуна или мужа), удостоверение ... о возможности безбедного существования, ... и о близком знакомстве с каким-либо семейством в Петербурге».

Программа приемных экзаменов была сравнима с таковыми для университетов и Медико-Хирургической Академии: русский язык, латинский язык, один из «новейших иностранных языков (немецкий, французский)», арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, история, география.

Отчетной документации женские врачебные курсы не имели. Первыми преподавателями курсов были преимущественно сотрудники ИМХА (ВМА): профессора А.П. Бородин, Э.К. Брендт, Ю.К. Трап, П.П. Сушинский, Н.П. Ивановский, Ю.Т. Чудновский, И.И. Насилов, А.П. Доброславин, И.П. Мержеевский, В.И. Добровольский и др.; Родовспомогательного заведения (И.М. Тарновский), главные доктора некоторых больниц (К.А. Раухфус, Э.Ф. Шперк) и других учреждений столицы (Артиллерийской академии, Николаевского военного госпиталя, Лесного института). Коллектив преподавателей женских курсов весь период их существования мог бы украсить любой, даже европейский, университет. Программа преподавания на женских врачебных курсах в полной мере соответствовала высшей школе. Более того программа теоретических и практических занятий по акушерству, женским и детским болезням и акушерской экспертизе даже превышала программу Академии. Для наблюдения за общим порядком и организацией занятий на курсах существовали должности почетной инспектрисы и инспектрисы (с окладом 2500 руб-

лей). В разное время эти должности исполняли фрейлина «Ея Императорского Величества» дочь генерал-адъютанта М.В. Назимова, вдова генерал-майора М.Г. Ермолова и др.

Для клинических занятий воспитанницы курсов допускались в клиники Военно-Медицинской Академии, отделения Николаевского Военного Госпиталя, Обуховскую и Калининскую больницы, Мариинское родовспомогательное заведение, детскую больницу Принца Ольденбургского. Деятельность курсов регламентировалась «Временным положением». Во всех случаях, не предусмотренных им, следовало руководствоваться Уставом Академии.

Являясь инициатором создания Женских врачебных курсов, ИМХА успешно справилась с непростым делом и в кратчайшие сроки обеспечила подготовку врачей-женщин на одинаковом уровне со своими студентами.

Врачебные курсы неизменно привлекали большое число женщин «со всех концов Империи», желавших учиться на них постоянно превышало установленную «норму» — 70. Принять всех кандидаток, успешно сдавших вступительные экзамены, курсы не могли; например в 1877 г. таких было 154, а принять смогли только 121 («по недостатку помещений»). Уже первый набор слушательниц произвел самое благоприятное впечатление. В 1873 г. Ученый секретарь выразил уверенность: «Мы можем надеяться, что тысячи новорожденных младенцев и родильниц, погибающих в глуши, в наших деревнях и селах, от несоблюдения простейших гигиенических и диетических правил, спасены будут, когда и в этих отдаленных углах появятся скромные и искренне преданные своему делу женщины, умелым рукам которых суждено осушить много слез и предотвратить много горя и страданий».

В 1876 г. окончился 4-летний срок «опыта», на который были учреждены при ИМХА женские курсы. Активизировалась работа комиссий различных ведомств, всестороннему анализу подверглись результаты деятельности курсов, изучались и сами слушательницы — от успеваемости до внешности, политической благонадежности и «среды, в которой они вращаются». Все комиссии были единодушны в одном: «учащиеся курсов способны вполне и сознательно усваивать научные основания медицинских занятий и практическое к врачебному делу применение, при том, не только в кругу указанных женскому курсу при учреждении его специальностей, но и по другим практическим наукам, как то: клиника внутренних и наружных болезней и офтальмологии, по которым, в случае нужды, можно ожидать от них пользы для общества» [2]. Военно-

Медицинское Управление признало необходимым «произвести в устройстве курсов некоторые улучшения и совершенно отделить это учреждение от Академии». Для размещения курсов был определен Николаевский Военный Госпиталь, в котором для них было выделено 7 помещений за счет ликвидации 150 госпитальных коек (из 1340).

В 1882 г. из 221 окончивших курсы слушательниц 62 поступили на службу в земства, 54 трудились в клиниках и больницах, 46 занимались частной практикой, 12 остались ординаторами при женских курсах. Особый интерес представляют результаты работы выпускниц в качестве земских врачей, так как они столкнулись со всеми видами медицинской патологии. Вскоре после появления женщин-врачей в земствах от последних стали поступать просьбы о направлении к ним именно женщин, заявляя при этом о преимуществах иметь для женского населения именно женщин-врачей. Земства установили 35 стипендий для обучающихся (с условием, что стипендиатки прослужат земству после выпуска определенное время).

Пресса сразу отреагировала на появление в России женщин-врачей, появилось множество газетных публикаций об их практической деятельности, особенно в земских условиях:

— газета «Русские ведомости» № 245, 1882 г.: «Фатеж, Курской губернии. Местное общество живо припоминает деятельность женщины-врача Веры Петровны М...ой, служившей местному земству около полутора года. Эта женщина-врач заведовала земской больницей, проводя там почти целые дни; она до того сделалась популярной в народе, что крестьяне дали ей название "милосердной", посланной самим Государем. Народ валил к ней толпами, особенно женщины».

— газета «Русский Курьер», № 245, 1882 г.: «В Крапивенском уезде Тульской губернии г-жа Х...я приобрела прочную репутацию отличного хирурга, производя операции, о которых никогда не слыхали в уезде... Важно для дела, чтобы земский врач был опытным и искусным хирургом, ... (т.к.) до 78% (заболеваемости) приходится на всевозможные хирургические случаи».

— газета «Русский Курьер», № 239, 1882 г.: «Хвалынский, Саратовской губернии. Хвалынское земство в 1878 г. нашло необходимым пригласить ... женщину-врача. Выбор пал на г-жу С..., рекомендованную курсами. Ожидания земства блистательно оправдались. Земская управа дала г-же С... следующий отзыв: «Более усердной деятельности от земского врача, какую оказывает в деле врачевания г-жа С..., нельзя и требовать».

К 1882 г. Военный Министр генерал-адъютант Ванновский, «вполне сочувствуя делу выс-

шего женского образования», нашел существование женских врачебных курсов в своем ведомстве «несоответствующим назначению Военного Министерства» и обратился ко всем другим ведомствам с предложением принять курсы в их ведение. Ответы последовали отрицательные. Основные надежды связывались с С.-Петербургской Городской Думой, но она отказалась, мотивируя отсутствием средств. Из-за необходимости «освободить Николаевский госпиталь» от курсов и отказа ведомств принять курсы, 5 августа 1882 г. последовало Высочайшее повеление об их упразднении. Прием слушательниц на 1882–1883 учебный год прекращен, но обучающимся предоставлено право завершить медицинское образование. Сфера врачебной деятельности женщин-врачей была ограничена «акушерскою, женскою и детскою практикой» с указанием учреждений, в которых им разрешено работать — «в женских, родовспомогательных и детских лечебных заведениях различного рода и наименования». В 1883 г. преподаватели женских врачебных курсов выразили надежду, что «...курсы, доказавшие за десять лет существования свою жизнеспособность и пользу обществу, не отиветут, не успевши расцвести». Проблема о высшем медицинском образовании женщин продолжала обсуждаться и после 1882 г. в различных комиссиях. Губернатор С.-Петербурга 15 мая 1882 г. сказал: «Женское образование вообще, а профессиональное в особенности, включая и специальное врачебное образование женщин... является вопросом общегосударственным».

19 ноября и 4 декабря 1882 г. Император Александр III провел совещание высших должностных лиц — Министров Военного, Внутренних Дел, Народного Просвещения, Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцелярией по учреждениям Императрицы Марии и Обер-прокурора Святейшего Синода. Оба совещания предложили в дальнейшем исполнять Высочайшее Повеление от 14 января 1871 г. В документах совещаний, утвержденных 4 января 1883 г., предлагалось:

— сохранить «доступ лиц женского пола к медицинскому образованию... на 4-летних курсах ученых акушерок... с тем, чтобы прием на курсы производился на основании правил, установленных для студентов университетов»;

— успешно окончившим курсы присваивать звание «ученой акушерки»;

— курсы должны быть устроены и содержаться на частные средства.

Тем не менее в 1887 г. курсы окончательно закрыли. За 15 лет они выпустили 518 женщин-врачей, которые, несмотря ни на что, прекрасно проявили себя на гражданской ниве и на войне.

Дальнейшие события развивались под все усиливающимся давлением общественного мнения передовой части самых различных слоев России. В 1891 г. Государственный Совет «уступил» и принял решение об организации в С.-Петербурге женского медицинского института при условии «сбора достаточных средств из частных пожертвований». В короткие сроки всей страной были собраны средства, в 2,5 раза превышающие смету. 14 сентября 1897 г. состоялось открытие Женского медицинского института. Кроме того, через некоторое время Женский медицинский институт был создан в Харькове, а Высшие медицинские курсы для женщин открылись в Москве, Киеве, Одессе, Тбилиси.

Женские врачебные курсы, созданные в 1872 г. при Медико-Хирургической Академии по существу положили начало высшему женскому медицинскому образованию в России. Возникнув как опытные курсы для подготовки акушерок, за короткий период времени по уровню подготовки своих воспитанниц курсы достигли уровня университетской подготовки и добились наименования «врачебных». Выпускницы курсов доказали способность к обучению и востребованность для здравоохранения страны.

Литература

1. Мечников И. И., Ковалевский В. О., Сеченов И. М. Борьба за науку в царской России. — М., 1931. — С. 137.
2. Исторический обзор правительственных распоряжений по вопросу о высшем образовании женщин. — СПб., 1883.
3. Сушинский П. П. Женщина-врач в России. — СПб., 1883.